

Весть о пробуждении главы клана мгновенно разлетелась по клану. Вместе с ней до соплеменников дошли и другие новости: о суровой каре, постигшей второго господина Цуй Гу и его сына. Однако настоящим потрясением, как и ожидалось, стал указ о возвращении клановых земель и отмене «благодатной помощи». Соплеменники не осмелились осаждать главную усадьбу, а потому все негодование обрушилось на дом Цуй Гу. Старейшины, прежде поддерживавшие второго господина, также оказались под ударом — теперь они сидели за запертыми дверями, не смея взглянуть в глаза разгневанной толпе.

Цуй Люй, сославшись на слабость после болезни, вежливо отказывал всем просителям и советчикам. Он не желал слушать их бесконечные стенания, предпочитая наблюдать за развернувшейся драмой со стороны. Покой и тишина стали его союзниками: пока тело восстанавливало силы, он прислушивался к доносившимся слухам. Взаимные обвинения сородичей вытаскивали на свет старое грязное белье: мелкие кражи из клановой казны меркли на фоне новостей о тайных наложницах и незаконнорожденных детях.

Цуй Юань ежедневно являлся к отцу за наставлениями по вопросам кланового права. Ошеломленный недавним гневом родителя, он поначалу был скован, но постепенно к нему вернулась былая уверенность. Он перестал чувствовать себя виноватым и вновь обрел твердость в управлении делами, сосредоточившись на наведении порядка в роду.

Мироздание в глазах Цуй Люя теперь напоминало подмостки огромного театра. Центр сцены занимала столица и великие дома, а главным сюжетом была история наследника Данин. Рассказ о том, как на землях, отвоеванных первым императором, строится прочное государство, расцветает жизнь и наступает эпоха великого процветания.

Опасаясь резких осенних ветров, Цуй Люй велел перенести кушетку к окну и отдыхал, прикрыв глаза. У дверей нес стражу Цуй Чжи — старший внук дворецкого Цуй Чэна. Мальчика совсем недавно привезли из загородного поместья, чтобы обучить правилам службы в главном доме. В будущем он должен был стать управляющим при Цуй Фэне, старшем внуке Цуй Люя. Фэну уже исполнилось тринадцать, и после Нового года он получит собственные покои; Цуй Чжи готовили именно для него.

Прежде Цуй Чжи по милости хозяев получил свободу и мог бы прожить жизнь вольным поселянином. Учитывая преданность его деда главе клана, безбедная и спокойная старость была ему обеспечена. Однако Цуй Люй, помня видения из своего страшного сна, призвал Цуй Чэна и попросил вернуть внука в число дворовых слуг.

Цуй Чэн был молочным братом Цуй Люя. Он носил его на спине с самого рождения, и в вопросах верности и доверия стоял выше даже покойной супруги главы клана. Свобода Цуй Чжи была даром Цуй Люя за долгую службу, и возвращение мальчика в рабство не сопровождалось никакими объяснениями. Но Цуй Чэн согласился без колебаний. Он верил, что у его господина есть на то веские причины, а Цуй Люй знал, что старый друг не затаит обиды. Это было безмолвное доверие, выкованное десятилетиями.

Жизнь — это игра, и в ней есть грань между истиной и вымыслом. В своем сне Цуй Люй видел, как его род стал лишь пылью под ногами тех, кто шел к величию. Очнувшись от ужаса, он осознал горькую правду. В том «театре», который он узрел, в титрах значилось: «Основано на реальной истории, с добавлением вымышленных деталей».

Он не досмотрел до конца сцену гибели своего рода, но понял главное: такие, как они — лишь мимолетные тени на экране, именуемые «пушечным мясом». Создатели этой драмы даже не удосужились дать им лица. Столетнее наследие, которым он так гордился, сокровища, что хранились в сундуках под замком — в устах истинных героев всё это было лишь «добычей» и «имуществом невежественных простолюдинов».

И все же видение принесло пользу. Цуй Люй теперь точно знал: династия и эпоха, в которых он живет — истинны. Великие дома и сановники при дворе — реальные силы, определяющие ход истории. Те, о ком пишут в хрониках, чьи деяния воспевают — вот настоящая элита.

В том странном сне эти люди казались близкими, он буквально следовал за ними по пятам. Но вернувшись в реальность, он осознал, что между ними и его семьей лежит непреодолимая пропасть. Клан Цуй даже не заслуживал упоминания в их разговорах.

Никогда прежде Цуй Люй не чувствовал себя столь ничтожным. Возможно, это и было то, что люди называют «широтой кругозора». То, что он видел и слышал по ту сторону реальности, разительно отличалось от его привычной жизни, внушая чувство бессилия.

Но стоило ли смириться?

Ждать, пока сюжет «пушечного мяса» доберется до его дверей, и смотреть, как его близкие гибнут в огне политических интриг?

Нет. И еще раз нет.

По какой бы причине судьба ни приоткрыла ему завесу будущего, он не станет покорно ждать удара меча. Он будет сражаться. Даже если он подобен богомолу, пытающемуся остановить колесницу, он сделает всё, чтобы вырвать для своей семьи хотя бы один шанс на спасение.

Для этого ему нужно было заново собрать силы клана, отсечь гнилые ветви и очистить клан от предателей. Клан должен был стать его опорой, источником ресурсов и верным мечом.

Цуй Чжи почтительно доложил о приходе старшего сына. Цуй Люй приподнялся на кушетке и коротко бросил:

— Входи.

Цуй Юань пересек комнату, обогнул бамбуковую ширму и склонился в поклоне.

— Как ваше самочувствие сегодня, отец? Я просмотрел записи доктора Ли — он говорит, что недуг отступил. Нужно лишь продолжать пить укрепляющие отвары и соблюдать покой еще пару недель. Солнечные ванны пойдут вам на пользу, силы скоро вернуться. Отец, берегите себя: этот дом не выстоит без вас, а нам по-прежнему нужны ваши наставления.

Тяжелая болезнь отца будто развязала Юаньши язык. Раньше подобные речи произносил младший из братьев, Цзикан, а старший проявлял заботу лишь делом. Теперь же, произнося слова сыновней любви, Юаньши заметно смущался, а кончики его ушей покраснели. Свою немногословность он унаследовал от матери, и попытки ласково угодить отцу давались ему с трудом. Долгие годы его забота ограничивалась сухими фразами: «Почтение отцу», «Берегите здоровье», «Не извольте гневаться». Услышать от него столь пространную речь было удивительно — это был настоящий прорыв для его сдержанного характера.

Глядя на первенца, Цуй Люй почувствовал внезапную боль в груди. Воспоминание из сна, где его сын умирает страшной смертью, отозвалось в сердце острой мукой.

— Садись, — вымолвил он.

Голос прозвучал хрипло, и Цуй Люй поспешно откашлялся. Юаньши встревоженно взглянул на него.

— Отец?

— Пустяки. Ты исполнил то, что я поручил?

Юаньши молча достал из рукава свиток и обеими руками подал отцу.

— Да. Здесь сведения о расположении чинов в министерствах и иерархия столичных родов. Я навел справки через доверенных людей, сверив данные с императорскими ведомостями из управы. Когда вернутся те, кого мы отправили в столицу, мы сможем окончательно подтвердить этот список.

Из-за своего странного дара Цуй Люй мог видеть лишь обрывки истории, касающиеся его семьи. Начало и конец большой драмы оставались для него скрыты, поэтому он до сих пор не знал истинной причины, по которой его род будет подвергнут опале и конфискации имущества. Теперь он мог полагаться лишь на анализ событий последних десяти лет: каждое кадровое назначение, каждое происшествие в уезде — всё могло быть ключом к разгадке того, на что именно позарились сильные мира сего.

«Пушечное мясо» не имеет имен и длинных сюжетных линий. Но одно Цуй Люй знал твердо: если такой персонаж служит ступенькой для главных героев, значит, у него есть нечто ценное. Нечто такое, ради чего не побрезгуют любыми средствами.

Ему нужно было понять расстановку сил в империи на двадцатый год правления под девизом Сюаньхэ и сравнить её с тем, что он видел в будущем десятилетие спустя.

Как и любой богатый провинциальный помещик, Цуй Люй прежде заботился лишь о покое в своем доме. Дела при дворе казались бесконечно далекими — это были высоты, до которых не дотянуться жителю захолустья. Ограниченность связи, запреты для простых подданных обсуждать государственные дела — всё это привело к тому, что за полжизни он выучил лишь имена глав области да знал пару-тройку знаменитых ученых.

Для народа, живущего заботами о хлебе насущном, не имело значения, кто именно сидит на троне, пока налоги не становились непосильными. Кто бы ни был императором — для них он был «десятью тысячами лет», перед которыми оставалось лишь склонить голову.

Юаньши, как и его отец, прежде мало интересовался структурой власти. До того, как Цуй Люй велел ему собрать сведения, он даже толком не знал историю смены фамилии правящего дома.

Основатель империи Данин, прозванный императором У, не носил фамилию У. Нынешний государь — первый из этой фамилии, кто унаследовал трон. Его предки веками командовали войсками в Северных землях. Великий император, предшественник нынешнего, так и не обзавелся семьей, а покорив пять великих кланов Цзянчжоу, передал власть своему приемному сыну. Сам же он, взяв лишь личную гвардию «лагеря клинков», принялся странствовать по стране. Его местонахождение оставалось тайной; говорили, что даже самому императору приходится ждать аудиенции с ним неделями.

В свитке Цуй Люй нашел примечание, сделанное со слов главы области. Ходили слухи, что Великий император тяготился борьбой с аристократией, захватившей земли и укрывавшейся от налогов. В какой-то момент конфликт чуть не перерос в новую междоусобицу. Перед ним стоял выбор: истребить столичные роды до девятого колена или действовать хитростью. Он выбрал мир для народа и передал трон приемному сыну.

— На самом деле, — вполголоса добавил Юаньши, — в столице Великий император успел пустить кровь многим домам. Целые семьи были казнены по обвинению в государственной измене. Когда вести дошли до провинций, местные богачи задрожали от страха. Они начали тайно объединяться против новой династии. Новые законы Великого императора саботировались чиновниками, которые были заодно с аристократией. И когда в живых осталась едва ли половина придворных, а слухи о мятежах поползли в народе, Великий император убрал свой карающий меч.

Цуй Люй слышал во сне рассказы о правлении Великого императора и нынешнего государя. Говорили, что все нынешние реформы были задуманы Великим императором, разница была лишь в исполнении. Нынешний император действовал мягко, «иглой в шелке», постепенно разрушая влияние великих домов. Великий император же, будучи полководцем, не имел терпения для придворных игр. При любом несогласии он просто рубил головы, что в итоге привело к смертельной вражде между ним и аристократией.

Этот мир принадлежал великим кланам. За каждым сановником стояла мощь его рода, и дележ ресурсов не касался простых людей. Великий император пытался в одиночку перевернуть вековые устои, продвигая свою идею равенства. Разумеется, это задело интересы слишком многих, и даже прежние союзники отвернулись от него. Официальные хроники гласили, что он отрекся ради мира, но в кулуарах знатных домов шептались, что его заставили уйти.

Однако Цуй Люй знал истину: нынешний курс империи полностью проложен Великим императором. Позднее историки назовут его отречение мудрейшим маневром. Без того ужаса, который он внушил аристократии, нынешнему императору не удалось бы так легко завоевывать сердца людей малейшими милостями.

Эта царственная чета — отец и сын — просто играли великими кланами всей империи, как марионетками. Во сне Цуй Люй видел грядущее: мир, где все равны и никто не обязан склоняться перед чиновником. Это был новый уклад, который он не мог до конца постичь, но который стал плодом трудов Великого императора и нынешнего государя.

В двадцатый год Сюаньхэ Великому императору, чей след затерялся в империи, исполнилось всего пятьдесят два года.

Цуй Люй быстро прикинул в уме: этот великий человек был старше его всего на четыре года.

<http://bllate.org/book/16118/1581326>